

В. Г. Белинский

Стихотворения Владимира Бенедиктова

Виссарион Белинский

Стихотворения

Владимира Бенедиктова

«Public Domain»

1835

Белинский В. Г.

Стихотворения Владимира Бенедиктова / В. Г. Белинский —
«Public Domain», 1835

Так как Шевырев и его единомышленники считали себя поборниками «философической поэзии», поэзии «мысли», идеал которой они видели в звонких стихах Бенедиктова, то Белинский поставил перед собой задачу выяснить, что же представляет собою «мысль» в лирике, в частности в стихах Бенедиктова. В результате остроумных наблюдений, тонкого пародийного пересказа стихотворений Бенедиктова ему удастся раскрыть их крайнее убожество. Критик с большой убедительностью показал, что в большинстве стихотворений Бенедиктова отсутствует не только глубокая «мысль», но даже и простой смысл. Пародии К. Аксакова на стихотворения Бенедиктова еще более раскрывали читателю схематизм его псевдофилософской лирики.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	7
Комментарии	

Виссарион Григорьевич Белинский Стихотворения Владимира Бенедиктова

*Обманчивей и снов надежды,
Что слава? Шопот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?*

Пушкин.^[1]

Что такое критика? оценка художественного произведения. При каких условиях возможна эта оценка, или, лучше сказать, на каких законах должна она основываться? На законах изящного, отвечают записные ученые. Но где кодекс этих законов? Кем он издан, кем утвержден и кем принят? Укажите мне на этот свод законов изящного, на это уложение искусства, которого начала были бы вечны и неизблемы, как начала творчества, в душе человеческой; которого параграфы подходили бы под все возможные случаи и представляли бы собою стройную систему законодательства, обнимающего собою весь бесконечный и разнообразный мир художественной деятельности во всех ее видах и изменениях! Давно ли *«украшенное подражание природе»* было краеугольным камнем эстетического уложения? Давно ли эта формула равнялась в своей глубокости, истине и непреложности первому пункту магометанского учения: *«Нет бога, кроме бога – и Муггамед пророк его?»* Давно ли три знаменитые единства почитались фундаментом, без которого поэма или драма была бы храминою, построенною на песке? Давно ли Корнель, Расин, Мольер, Буало, Лафонтен, Вольтер, давно ли эта чета талантов почиталась лучезарным созвездием поэтической славы, блистающим немерцающим светом для веков? Давно ли Буало, Батте и Лагарп почитались верховными жрецами критики, непогрешительными законодателями изящного, вещими оракулами, изрекавшими непреложные приговоры?.. А что теперь?.. *«Украшенное подражание природе»* и знаменитое *«триединство»* причислено к числу вековых заблуждений человечества, неудачных попыток ума; ученые и светские боги французского Парнаса были помрачены и навсегда заслонены *пьяным дикарем*¹ Шекспиром, а оракулы критики поступили в архив решенных и забытых дел. И давно ли все это совершилось?.. Давно ли бились насмерть покойники *классицизм* и *романтизм*?.. Где же, спрашиваю я, где же эта мерка, этот аршин, которым можно мерить изящные произведения; где этот масштаб, которым можно безошибочно измерять градусы их эстетического достоинства? Их нет – и вот как непрочны литературные кодексы! Как с постепенным ходом жизни народа изменяется его законодательство чрез отмену старых законов и введение новых, согласно с современными требованиями общества, так изменяются и законы изящного с получением новых фактов, на которых они основываются. И разве мы получили все факты; разве мы изучили все литературы под этими бесчисленными национальными, вековыми и историческими физиономиями; разве мы исследовали жизнь каждого художника порознь? Разве, в этом отношении, для будущего уже ничего не остается?.. Нет – еще долго дожидаться полного и удовлетворительного кодекса искусств, так долго дожидаться этого совершенного гражданского законоположения, которое должно осуществить мечты о золотом веке Астреи. Стало быть, нет законов изящного, по которым можно и должно судить произведения искусств? Есть: потому что, если теперь не вполне постигнут весь мир изящного, то уже известны многие из его законов, известны самые его основания; но будущему времени предоставлено открыть существую-

¹ В «Северной пчеле» обвиняют меня, между многими литературными преступлениями, в том, что я называю Шекспира *пьяным дикарем*. Стыжусь оправдываться в этом перед публикою, и только движимый состраданием к жалкому неведению «С. пчелы», объявляю ей за новость (для нее), что это выражение принадлежит Вольтеру, обокрадивавшему Шекспира, а мною оно употребляется в шутку. Бедная «Пчела», как еще много пустых вещей, недоступных для ее мушиной любознательности! (В. Б.)

щие отношения между этими законами и основаниями и привести их в полную и гармоническую систему. Критику должны быть известны *современные* понятия о творчестве; иначе он не может и не имеет права ни о чем судить.

Но этого еще мало. Часто случается, что критик, изложивши свой взгляд на условия творчества сообразно с современными понятиями об этом предмете, прилагает его ложно и, верно описавши характер греческого ваяния, показывает вам разбитый глиняный горшок, в котором варили щи, и божится и клянется, что это греческая ваза? Отчего это? Оттого, что эстетика не алгебра, что она, кроме ума и образованности, требует этой приемлемости изящного, которая составляет своего рода талант и дается не всем. Прислушайтесь внимательнее к нашим литературным толкам и суждениям – и вы согласитесь со мною. Разве у нас нет людей, с умом, образованием, знакомых с иностранными литературами, и которые, несмотря на все это, от души убеждены, что Жуковский выше Пушкина; которые иногда восхищаются восьмикопеечными стихотворениями и талантами гг. А. Б. С. и т. д.? Отчего это? Оттого, что эти люди часто руководствуются в своих суждениях одним умом, без всякого участия со стороны чувства; оттого, что принимают за поэзию свои любимые мысли или видят удобный случай приложить и оправдать свои собственные мысли об изящном; а эти мысли часто бывают парадоксами и предрассудками. В предметах человеческого чувства ум без чувства всегда ведет за собой предрассудки и строит парадоксы. Ум очень самолюбив и упрямо доверчив к себе; он создал систему и лучше решится уничтожить здравый смысл, нежели отказаться от нее; он гнет все под свою систему, и что не подходит под нее, то ломает. В этом случае он похож на молюеровых лекарей, которые говорили, что они лучше решатся уморить больного, чем отступить хоть на йоту от предписаний Древних. В деле изящного суждение тогда только может быть правильно, когда ум и чувство находятся в совершенной гармонии. И вот отчего такая разногласица в суждениях о литературных сочинениях. В самом деле: одному нравятся «Цыгане» Пушкина и не нравится сказка о Бове Королевиче, а другой в восхищении от Бовы Королевича и не видит ни малейшего достоинства в «Цыганах» Пушкина. Кто из них прав, кто виноват? Говоря собственно, они оба совершенно правы: суждение того и другого основано на чувстве, и никакая эстетика, никакая критика не может быть посредницей в этом деле. Да! тонкое поэтическое чувство, глубокая приемлемость впечатлений изящного – вот что должно составлять первое условие способности к критицизму, вот посредством чего с первого взгляда можно отличать поддельное вдохновение от истинного, риторические вычуры от выражения чувства, галантерейную работу форм от дыхания эстетической жизни, и только вот при чем сильный ум, обширная ученость, высокая образованность имеют свой смысл и свою важность. В противном случае изучите все языки земного шара, от китайского до самоедского, изучите все литературы, от санскритской до чухонской, – вы все будете метить невпопад, говорить некстати, пропускать мимо глаз слонов и приходить в восторг от букашек. Разве тяжелая «Россияда» не подходила под эстетические, законы доброго старого времени; разве скучный и водяной «Димитрий Самозванец» г. Булгарина не отличается общею манерою и замашками исторического романа? Разве в свое время трудно было доказать художественное достоинство того и другого произведения эстетическими правилами двух эпох времени, то есть семидесятых годов прошлого, и двадцатых текущего столетия? О, нет ничего легче! Но вот что очень было трудно: спасти их от чахоточной смерти. Вот отчего так часто бывают неудачны попытки иных высокоученых, но лишенных эстетического чувства, критиков уронить истинный талант, не подходящий под их школьную мерку и возвысить (мишурного фразера)^[2]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Из «Разговора книгопродавца с поэтом».

2.

Под «высокоучеными» критиками имеется в виду Шевырев, пытавшийся снизить значение Гоголя.